

УДК 808.2-1:882

Е. М. Спивакова

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСЕМЫ *КРАСНЫЙ* В ЛИРИКЕ А. БЛОКА

Статья посвящена исследованию семантических возможностей колоратива в поэтической речи. Комплексный анализ семантики лексемы «красный» в различных типах поэтического словоупотребления позволяет выявить роль красного цвета в лингвоцветовой картине мира А. Блока, установить, какие комбинаторные приращения смысла сопровождают употребление указанного колоратива в лирическом тексте, раскрыть символическое значение красного цвета в поэзии А. Блока.

Ключевые слова: А. Блок, колоративная лексика, лингвистическая поэтика, поэтическая речь, контекстуальный смысл слова.

Spivakova E.M. Using of the lexeme red in A. Blok's lyrics: special features

The subject of this article is the semantic potential of the color term in the poetic speech. The complex research of the semantics of the lexeme red in different conditions gives us the opportunity to show the role of the red color in Blok's linguistic picture of the world, to see the connotations of the lexeme in the poetry and to understand, what symbolical meaning it can have in Blok's lyrics.

Keywords: A. Blok, color terms, linguistic poetics, poetic speech, connotation.

В современном языкознании продуктивен антропоцентрический подход к языку и, как следствие, интерес исследователей к языковой личности, особенно к личности художника слова, представляется закономерным. Цель нашей статьи — определить роль одной цветовой лексемы в системе лексикона поэта. Для реализации этой цели мы исследуем различные случаи употребления интересующего нас колоратива и проанализируем способы реализации эстетического (художественного) значения слова. Основные принципы, на которые мы опираемся, исследуя поэтическое словоупотребление, — это принцип содержательности художественной формы (А.А. Потебня, Б.А. Ларин); принцип взаимосвязи языка и языкового творчества через реализацию творческой функции языка (А.А. Потебня, Г.О. Винокур); принцип системности идиостиля писателя (Б.А. Ларин); принцип семантической осложнённости каждого слова в художественном тексте (А.М. Пешковский, Б.А. Ларин).

Разрабатывая типологию художественного значения, мы отталкиваемся от классификации, предложенной Д.М. Поцепней в монографии «Образ мира в слове писателя», где автор выделяет номинативное, переносное и образное словоупотребление (о различии переносного и образного употребления слова в статье О.Л. Рублевой [6]) и эстетическое словоупотребление. Однако, отталкиваясь от созданной Д.М. Поцепней типологии, мы разрабатываем свою, ориентированную на специфику нашего материала. Мы выделяем номинативное, переносное, образное и символическое словоупотребление. Номинативным мы считаем такое употребление, когда колоративное слово обозначает прежде всего цвет, то есть это употребление имени цвета в прямом значении. Номинативное употребление может быть осложнено контекстуальным смыслом или не осложнено. Переносным в работе считается такое употребление, когда колоративное слово не обозначает цвет, но при этом его значение может быть однозначно сформулировано. Образным мы считали такое употребление, при котором прямое и переносное значение колоратива реализовывались одновременно. Оба реализующихся значения цветовой лексемы при этом поддерживались в контексте словами-актуализаторами. Чаще такое употребление являлось метафорическим. Наконец, символическим признавалось такое употребление, при котором колоративное слово реализовывало сложный комплекс важных в идиостиле поэта значений, по преимуществу — не цветовых. От образного символическое употребление отличается высокой степенью абстрактности и почти полным разрушением цветовой семантики.

Основные критерии, которые легли в основу классификации: 1) отношение слова к его денотату; 2) однозначность / неоднозначность толкования; 3) роль контекста в реализации значения.

В общенародном языке словари фиксируют три основных номинативных значения для лексемы *красный*: 1) цвета крови; 2) относящийся к революционной деятельности, к советскому социалистическому строю; 3) нечто прекрасное, яркое, светлое (употребляется в народной речи). В идиостиле А. Блока нами зафиксированы следующие номинативные значения лексемы *красный*: 1) цвета крови, зари, огня (*красные зори, красный платок*); 2) медного оттенка (*красной медью, красное золото*); 3) революционный (*красный флаг, в красной гвардии*). Последнее значение было относительно новым в языке во времена А. Блока, но чуткий к переменам в общественной жизни поэт принял его.

Номинативное словоупотребление

Лексема *красный* употребляется в идиостиле А. Блока в номинативном значении с актуализацией дополнительных контекстуальных сем или без таковой.

В последнем случае лексема *красный* описывает цвет растений, луны, зари или огней, артефактов. Однако и в неосложненном употреблении цветообозначение играет определенную роль в создании индивидуально-авторской картины мира. Так, например, А. Блок склонен описывать цвет вечерней луны (месяца) как красный: *Ни ветерка, ни крика птицы, / Над рощей — красный диск луны...* («Летний вечер»); *Белой ночью месяц красный / Выплывает в синеве* («Белой ночью месяц красный...»).

Зная, что восходящая луна действительно может иметь красноватый оттенок, следует, тем не менее, учитывать как связь красного цвета у А. Блока с апокалипсическими мотивами (см. ниже), так и указания многих исследователей на тот факт, что картина мира, созданная А. Блоком, пронизана эсхатологией [3; 4]. На необязательность красного цвета вечерней луны указывает, например, цветообозначение *белый*, употребленное в сходных условиях М. Булгаковым: «... совершенно отчетливо была видна в высоте полная луна, но еще не золотая, а белая» («Мастер и Маргарита»). Ср. также в материалах к роману, отражающих наблюдения М. Булгакова за лунной: «Луна 10. III. 1938 г. без двадцати одиннадцать вечера была такова: (белая)...» [1, 37].

В других контекстах, особенно в сочетании с наименованиями растений, лексема *красный* выступает как обозначение яркого цветового пятна на более бледном фоне и сопровождается безусловно положительной коннотацией (до XVII века слово *красный* обозначало 'красивый', см. толковый словарь Ушакова, где еще отмечается это значение, хотя и как устаревшее): *«Красота страшна» — Вам скажут, — / Вы накинете лениво / Шаль испанскую на плечи, / Красный розан — в волосах* («Анне Ахматовой»).

При описании артефактов, зари, огней также подчеркивается яркость, праздничность красного: *О, красный парус / В зеленой дали!* («Венеция»); *Как тонка ты в красной шубке, / С бантиком в косице!* («Рождество»).

Таким образом, лексема *красный*, употребленная нейтрально в значении 'цвета крови, зари' играет определенную роль в картине мира А. Блока: описывая цвет луны, она связывается с эсхатологическими мотивами творчества поэта, описывая цвет растений, огней, артефактов играет роль яркого цветового пятна, связывается с идеями красоты, радости.

В значении 'медного оттенка' лексема *красный* употребляется без семантического осложнения в сочетании со словами *медь, золото, позолота*. Нейтральность словоупотребления объясняется почти терминологическим характером таких сочетаний.

Наконец, в значении 'революционный' *красный* употребляется со словами *флаг, гвардия*. Колоратив в этом значении играет важную роль в картине мира поэта, маркируя одну из сил, действующих в этом мире.

В номинативном значении ‘цвета крови, зари, огня’ цветообозначение *красный* может быть употреблено с актуализацией дополнительных контекстуальных сем. В этом случае уже ощущается связь колоратива с ведущими для автора идеями, и ассоциативные связи цветообозначения заметно усложняются по сравнению с неосложненными словоупотреблениями.

Так, в стихотворении «Она веселой невестой была...» дважды повторяется образ красных нитей в вязании старухи (*красные нити, клубок из нитей, веселый, красный*). С одной стороны, *красные нити, красный клубок* выполняют функцию яркого цветового пятна, ассоциируются с идеями красоты, радости (ср. эпитет *веселый*), с другой стороны, в контексте стихотворения этот веселый красный цвет контрастирует с остановившейся после смерти дочери жизнью старухи, выглядит насмешкой над ее горем, таким образом, колоратив вступает в сложную сеть ассоциативных связей.

В поэме «Ее прибытие» упоминаются *красный флаг* (не в значении ‘революционный’) и *красные зори*. В контексте поэмы у цветообозначения возникает устойчивая ассоциативная связь с идеями свободы, морского простора, надежды.

В идиостиле А. Блока лексема *красный* в номинативном значении ‘цвета крови, зари, огня’, употребленная с актуализацией дополнительных контекстуальных сем, регулярно сочетается со словами, принадлежащими следующим тематическим группам:

- 1) свет зари (*красный отблеск, зори красные*);
- 2) одежда (*красный плащ, в красном платье*);
- 3) предметы обихода (*красный штоф, красный комод*);
- 4) огонь (*красное зарево, красный столб огня и дыма*);
- 5) пыль (*в красной пыли, красные пыли*);
- 6) источник искусственного света (*красный фонарик, красных лампад*);
- 7) небесное светило (*шар... жесток и красен, красная звезда*);
- 8) человек, его внешность (*подвела мне брови красным, красный дворник*);
- 9) другие антропоморфные существа (*красные герольды, красный карлик*).

Не имея возможности в рамках этой статьи проанализировать все группы, мы остановимся на нескольких наиболее многочисленных и многозначных.

В сочетании со словами, принадлежащими группе *свет зари*, лексема *красный* претерпевает достаточно регулярный семантический сдвиг в сторону актуализации сем ‘святой’, ‘знак высокого мистического переживания’. Так, в стихотворении «Я шел к блаженству. Путь блестел...» пространство организовано как *путь*, соединяющий *вечернюю зарю* (начало пути) и зарю

утреннюю, *рассвет* (цель пути, блаженство, мистическая Встреча). *Красный* последовательно нагнетается в стихотворении: «*Путь блестел росы вечерней красным светом*», «*звезды рдели*», «*неба вышние моря вечерним пурпуром горели*». Сам *путь к блаженству* маркирован красным отсветом зари: строки «*Я шел к блаженству. Путь блестел / Зари вечерней красным светом*» повторяются дважды в ключевых позициях, в начале и конце стихотворения.

Реже в этой группе встречаются случаи актуализации сем 'зловещий, эсхатологический' — в стихотворении «Невидимка» и поэме «Ночная Фиалка». «Невидимка» воссоздает картину города, гибнущего под гнетом собственных грехов. В роли вестника апокалипсиса выступает Невидимка, находящийся вне пространства города. Его локус — *болота и поля под красной зарей* (о важности этого знака свидетельствует то, что он повторен дважды: «*Под красной зарей вдалеке / гуляет в полях Невидимка*» и «*На красной полоске зари / беззвучный качается хохот*»). Лексика стихотворения группируется в основном по двум центрам: описание греха и знаки грядущего возмездия. Колоративы со значением красного цвета могут оказаться и в той, и в другой группе:

Грех

Кабак

Слепые, продажные твари

Красный фонарик

Сладкая кошка

Блудницы

Черный притон

Пьяные

Проститутки румяные

Надпись пьяна

С... чашей вина

Возмездие

под красной зарей

Невидимка

над топью болот

небо... в крови

в тени гробовой фонари

на красной полоске зари

беззвучный хохот

На Звере Багряном Жена (грех и возмездие)

В сочетании со словами тематической группы *одежда* лексема *красный* может реализовать многообразные контекстуальные семы. В этой группе сочетаний актуализируется связь *красного* с кровью, а значит — с полнотой жизненной силы, страстями, а через них — с грехом или безумием, бредом.

Так, в стихотворении «Благовещение» *красные одежды* архангела — несомненный признак отступления от Священного Писания, актуализованная сема 'страсть' отсылает читателя к пушкинской «Гавриилиаде». Неслучайность, знаковость *красных одежд* подтверждено единичностью такого сочетания для идиостиля А. Блока: по нашим наблюдениям, ангел устойчиво связан у поэта с белым цветом.

Развитие семы 'страсть' приводит к формированию у лексемы *красный* в некоторых сочетаниях контекстуального смысла 'грешный, ранящий пошлостью, низостью'.

Стихотворение «Ты можешь по траве зеленой...» построено на контрасте внешнего — невинного — облика молодой героини и ее внутренней пошлости, готовности ступить на путь порока. Первым показателем развращенности и пошлости этой героини, названным в ряду других (*семячки* (так у А. Блока), *телеграфист*, *букетики*) становится *красный бант*. И знак этот так существен, что ни глаза, невинные «*как цветик голубой*», ни длинные косы, ни скромно опущенные ресницы не спасают героиню от позорного приговора. Следует обратить внимание и на то, что *красное платье*, *красный плащ* в идиостиле А. Блока — знаковое одеяние падшей, публичной женщины (см., например, «Ты смотришь в очи ясным зорям...», «Повесть»).

Многочисленны случаи использования колоратива *красный* для описания цвета огня. В ряде таких контекстов актуализируются смыслы 'священный', 'знак высокого мистического переживания'. В стихотворении «По-краснели и гаснут ступени...» *красное пламя* — знак осуществления надежд (снов), близкой Встречи: *Расцветает красное пламя. / Неожиданно сны сбылись. / Ты идешь. Над храмом, над нами — / Беззакатная глубь и высь.*

С другой стороны, нередко случаи, когда лексема *красный*, описывающая цвет огня, приобретает контекстуальный смысл 'страсть', что согласуется с общенародной языковой картиной мира (ср. *огонь*, *пламя страсти*). Так, в стихотворении «В сыром ночном тумане...» *красный блеск огня* в окне, так же как и *алые герани*, становится символом искушения земной страстью, способного увести героя в сторону от его пути.

В сочетании со словами группы *огонь* отчетливо видна связь красного цвета с идеями апокалипсиса, характерная для идиостиля поэта. Красный огонь, дым, пламя, зарево — знамение грядущих потрясений, спутник войны. В некоторых случаях, впрочем, знак «обманывает»: несмотря на напряженное ожидание лирического героя, ничего не происходит: *Тихое, долгое красное зарево / Каждую ночь над становьем твоим... / Что же маячишь ты, сонное марево? / Вольным играешься духом моим?* («Русь моя, жизнь моя...»).

Также ощущается в некоторых контекстах и связь *красного* со страданием, жертвой: *Вот ребенок засыпает / На груди твоей, сестра... / Слышишь, он во сне вздыхает, — / Видит красный свет костра: / На костер идти пора!* («Угар»).

Итак, мы видим, что в поэзии А. Блока лексема *красный* реализует разноплановые контекстуальные смыслы. Чаще всего они сопровождаются отрицательной коннотацией при актуализации таких сем, как 'зловещий, эсхатологический', 'грех', 'ранящая пошлость', 'страдание'. Однако в некото-

рых контекстах у колоратива возникают положительно оцениваемые смыслы — ‘святой’, ‘знак высокого мистического переживания’. Это объясняется тем, что для А. Блока существуют три основных фокуса (образца) красного цвета: заря, огонь и кровь, что отражается не только на сочетаемости колоратива, но и на способах образования цветowych прилагательных (ср. наличие в словаре поэта таких слов, как *огнекрасный, огневой, огненный, пламенный, кровавый, окровавленный, закатно-розовый, заревой*). В зависимости от того, к какому фокусу тяготеет *красный* в этом контексте, цветообозначение приобретает тот или иной контекстуальный смысл. *Красный* как цвет зари оценивается обычно положительно и тяготеет к актуализации сем ‘святой’, ‘знак высокого мистического переживания’. *Красный* как цвет огня амбивалентен и способен служить как знаком высокого мистического переживания, святости, так и грядущего возмездия за грехи, апокалипсиса. Часто в таких контекстах реализуется и контекстуальный смысл ‘страсть’. *Красный* как цвет крови оценивается обычно отрицательно. К этому фокусу тяготеют описания цвета неприродных объектов: одежды, предметов обихода, света фонарей и т.п. Через связь крови с полнотой жизненной силы, а следовательно — и с преувеличенными страстями, устанавливается связь красного с грехом, пошлостью, безумием, страданием.

Символическое словоупотребление

Для идиостиля А. Блока характерно отнесение признака ‘красный’ к денотату, не способному иметь какой-либо цвет по самой своей природе. При этом колоратив может реализовать сложный комплекс ключевых для идиостиля поэта значений. В этом случае приходится говорить о символическом словоупотреблении, при котором актуальными становятся периферийные, контекстуальные семы, а ядерная сема (признак цвета) перестает быть релевантной.

Наиболее распространенным является такое использование колоратива в функции священного знака. В этом случае *красный* сохраняет устойчивую связь с фокусом зари и обычно сочетается со словами, которые можно объединить в группу знаки (*ключ, зов, весть*): *Он покинул темные одежды, / Загорелся, воспарил, исчез. / А за ним — росли восстаний знаки, / Красной вестью вечного огня / Разгорались дерзостные маки, / побеждало солнце Дня* («Инок шел и нес святые знаки...»).

В стихотворении «Прискакала дикой степью...» появляется образ *красного крика*:

*Прискакала дикой степью
На вспененном скакуне.
«Долго ль будешь лязгать цепью?
Выходи плясать ко мне!»*

*Рукавом в окно мне машет,
Красным криком зажжена,
Так и манит, так и пляшет,
И ласкает скакуна.*

Здесь слово *красный*, хоть и употребленное не в цветовом значении, сохраняет связи с фокусами огня (*зажжена*) и крови, благодаря чему на первый план выходят семы 'страсть' и 'полнота жизненной силы'.

В стихотворении «Сытые» А. Блок использует образ *красного смеха*, генетически, скорее всего, восходящий к лейтмотивному образу одноименного рассказа Л. Андреева, вышедшего за год до написания стихотворения, но по сути расходящийся с ним. Если у Л. Андреева *красный смех* — символ безумной, бессмысленной жестокости, причем признак безумия нарастает по мере развития сюжета рассказа, то в стихотворении А. Блока *красный смех* — символ молодой растущей силы, разрушающей привычный мирок «сытых». Присутствие в ближайшем контексте слова *знамя* актуализирует также и сему 'революционный' (ср. *красное знамя*).

Таким образом, рассмотрев различные случаи употребления лексемы *красный*, мы можем сделать следующие выводы. Лексема *красный* может быть употреблена в номинативном значении 1) цвета крови, зари, огня (*красные зори, красный платок*); 2) медного оттенка (*красной медью, красное золото*); 3) революционный (*красный флаг, в красной гвардии*). С актуализацией контекстуальных сем лексема *красный* употребляется только в значении 'цвета крови, зари, огня' и реализует контекстуальные семы 'зловещий, эсхатологический', 'грех', 'ранящая пошлость', 'безумие, бред', 'страдание', а также 'святой', 'знак высокого мистического переживания'. Актуализация той или иной семы зависит от контекста и от того, к какому фокусу (зари, крови или огня) тяготеет в этом контексте *красный*.

Нами не зафиксированы случаи образной реализации колоратива, хотя встречаются случаи его употребления в структуре тропов (*красный червяк* (огонь), *красный призрак* (заря), *красный паяц* (месяц) и т.п.). Несложно увидеть, что само цветообозначение в этих случаях использовано в номинативном значении.

В ряде контекстов лексема *красный* используется поэтом не в цветовом значении, символически. В этих случаях она может выступать в роли священного знака, становится символом полноты жизненной силы, страсти или торжества новых, здоровых общественных сил. При символическом словоупотреблении лексема *красный* сопровождается обычно положительной коннотацией.

Литература

1. Белобровцева, И. Роман М. Булгакова Мастер и Маргарита. Комментарии / И. Белобровцева, С. Кульюс. — М: Арго, 2007. — 496 с.
2. Блок А.А. Собрание сочинений в восьми томах / под общ. ред. В.И. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. — М.-Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1960.
3. Максимов, Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. — Л.: Советский писатель, 1981, — 551 с.
4. Минц, З.Г. Поэтика Александра Блока. — СПб: Искусство, 1999. — 727 с.
5. Поцепня, Д.М. Образ мира в слове писателя. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. — 294 с.
6. Рублева О.Л. Переносное и образное словоупотребление в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» / Современный русский язык. — Владивосток: Издательство ДВГУ, 1971. — с. 59–75.